

О. В. Попова

Институт языкознания РАН (Москва); olga.v.popova@gmail.com

Рабочая встреча Общества индоевропейских исследований:
«Отглагольные прилагательные и причастия в индоевропейских языках»
Париж, École Normale Supérieure, 24—26 сентября 2014 г.

Рабочая встреча Общества индоевропейских исследований (Society for Indo-European Studies / Indogermanische Gesellschaft / Société des Études Indo-Européennes) прошла 24—26 сентября 2014 года в École Normale Supérieure в Париже и была посвящена теме отглагольных прилагательных и причастий в индоевропейских языках.

Первый день конференции открылся докладом Ш. де Ламбертери (Париж) *Adjectifs verbaux en arménien*. Докладчик рассмотрел инфинитивы и причастия в системе классического армянского языка. Первые образуются от основы презенса, а вторые от основы аориста (или непосредственно от глагольного корня) с помощью морфемы *-eal*, ген. *-eloy*. Так, глагол ‘звать’ (през. *koč-em*, аор. *koč-ec’i*), дает инфинитив *koč-el* и причастия *koč-eal* / *koč-ec’eal*. Кроме того, по мнению Ш. де Ламбертери, и.-е. морфемы причастия и отглагольного прилагательного не полностью исчезли из армянского языка, но оставили изолированные следы в лексике. Об этих следах он и говорил в своем докладе.

Г. Хеттрих (Вюрцбург) провел синтаксико-семантическое сравнение ведийских причастий в причастных и абсолютных конструкциях в языке Ригvedы и выделил группы глаголов в зависимости от того, в каких конструкциях выступают образуемые от них причастия.

Доклад Р. Люр (Йена) был посвящен функциям причастных конструкций в информационной структуре высказывания в и.-е. языках и зависимости от этого их положения в предложении. На основании исследования корпуса хеттских, древнеиндийских и древнегреческих текстов она выделила несколько различных функций причастных конструкций. Они могут указывать на отношение частей высказывания в плане сочинения и подчинения; могут служить контекстными рамками высказывания и тогда стоят в начале предложения; а при расположении рядом с глаголом они указывают на фокус.

Дж. Лоу (Оксфорд) в докладе *The Paradigmatic Status of Tense-Aspect Participles in Rgvedic Sanskrit* показал, что видо-временные причастия в языке Ригvedы связаны с соответствующими финитными формами глагола не только морфологически, но также синтаксически в плане аргументной структуры: в частности, в большинстве случаев, когда у ведийских активных причастий отсутствует эксплицитно выраженный прямой объект, его можно реконструировать из контекстной структуры. Что касается семантики, существует четкая корреляция между формой презентного причастия и семантикой одновременности, в противовес форме перфектного причастия, сопряженной с семантикой предшествования. Двусмысленность аористных причастий объясняется тем, что их функция была потеряна при переходе от видовых к временным противопоставлениям в системе глагольных причастий.

О. Матис (Париж) в докладе *L’adverbialisation des participes dans les langues indo-européennes anciennes* рассмотрела случаи образования наречий от адъективной основы, распространенные в древнегреческом (наречия на *-ως*, образованные от мед.-пас. прич. на *-μενο-* / *-μένο-*, от акт. прич. наст. вр. на *-υτ-* и от перфектных прич. на *-ώς*, *-ότος*) и в балтийских языках. Она исследовала, сохраняются ли в наречиях глагольные характеристики. Еще один аспект работы касался того, можно ли говорить о взаимосвязи между частотностью образования наречий от причастий в др.-гр. и в балт. языках и тем фактом, что у этих языков очень богатая система причастий. О. Матис исследовала, насколько адвербиальные формы, образованные от причастий, можно сравнивать или приравнять к образованиям, которые М. Хаспельмат определяет как «конвербы» (деепричастия), — или же такие формы являются лексикализованными наречиями.

Ф. дель Оро (Цюрих) в докладе *Les adjectifs grecs en -(s)imos comme adjectifs verbaux? Étude des propriétés sémantiques et syntaxiques* рассмотрела класс древне-

греческих прилагательных на $-(\sigma)\zeta\omicron\varsigma$ с целью установить, можно ли их считать функциональным эквивалентом греческих отглагольных прилагательных на $-τός$ ($-τέος$), чтобы таким образом уточнить их семантические и синтаксические особенности.

К. Денизо (Париж) исследовала древнегреческие конструкции с доминирующим причастием, то есть именные синтагмы, состоящие из имени и причастия, где причастие рассматривается как синтаксическая вершина (например, μετὰ Σόλωνα οἰχόμενον (Hdt. 1.34.1) дословно означает «после Солона ушедшего», но фразу нужно понимать как «после ухода Солона»). Эта конструкция довольно редка, и докладчица задалась вопросом, в чем особенность ее использования среди альтернативных вариантов (имя действия, субстантивированный инфинитив, временное придаточное). К. Денизо представила исследование корпуса из Геродота, Фукидида и Ксенофонта (80 примеров) и предложила такие критерии использования конструкции, как семантические (аспектуальные) и прагматические (иерархия информации).

Доклад М. Бенедетти (Сиена), Н. ла Фаучи (Цюрих), Л. Трончи (Сиена/Цюрих) был посвящен др.-гр., лат. и скр. конструкциям с предикативным ядром, в состав которого входят отглагольные прилагательные. Морфология отглагольных прилагательных в этих трех языках не показывает явных этимологических связей и соответственно не используется при и.-е. реконструкции. Поэтому докладчики сравнили данные конструкции с синтаксической точки зрения. Они выявили две общие черты: во-первых, логический субъект в этих конструкциях обычно выражен дативом, а во-вторых, языки показывают различие личных и безличных конструкций с отглагольным прилагательным (где оно, соответственно, согласуется или нет с субъектом). По мнению докладчиков, датив логического субъекта в конструкциях с личными отглагольными прилагательными должен объясняться не пассивностью конструкции (традиционная интерпретация), но именно как результат наличия адъективной предикации.

Дж. Роу (Гарвард) рассмотрел представленные в шести и.-е. ветвях (и.-ир., греческий, тохарский, балт.-слав., германский, кельтский) активные перфективные причастия и предположил, что это образование относится ко времени после отпадения анатолийской ветви. Определив функции и значения праиндоевропейского перфекта, докладчик описал происхождение u -основных и s -основных элементов, которые составляют суффикс активного перфектного причастия $*\underline{u}-ós$, и принцип, объяс-

няющий их совместное появление. Согласно гипотезе Дж. Роу, от первоначальных отглагольных прилагательных типа $*\underline{u}idú-$, хорошо засвидетельствованных во многих и.-е. группах, включая анатолийскую, были образованы вторичные абстрактные имена с основами на $-s$, типа $*\underline{u}éidus-$ «знание». От них, в свою очередь, образовывались третичные посессивные прилагательные $*\underline{u}éiduos-$ / $\underline{u}idus-$ «обладающий знанием», которые и развились в перфектные причастия в позднейноевропейском.

Х. Л. Гарсия Рамон (Кельн) в докладе *Correspondances hétérogènes et reconstruction: le gérondif en -mina dans le louvite hiéroglyphique* рассмотрел образования на $-mina$ в лувийских иероглифических текстах, образованные на базе переходных глаголов и употребляемые в предикативной позиции с функцией долженствования. Докладчик обсудил возможность считать формы на $-mina$ историческими инфинитивами, что позволило бы сопоставить их с греческими инфинитивами на $-μεναι$. Возникающую же при этом сложность объяснения графики $\langle mi \rangle$ вместо $\langle ma \rangle$ докладчик предложил объяснить либо колебанием на ранней стадии между $/mi/$ и $/ma/$, либо использованием графической последовательности $\langle mi-na \rangle$ для отражения $/mna/$.

И. Якубович (Марбург) в докладе *The gerundives in Luwian and Italic* также рассмотрел лувийские формы «герундива» с суффиксом $-min(a)$, который, по его мнению, является пассивной парой активного образования на $-ura$. Сравнив лувийские формы и хеттские сказуемые, выраженные свободно стоящими генитивами, докладчик пришел к выводу, что эти предикаты долженствования грамматикализовались в лувийском, где они исторически являются аллативами, но не в хеттском. Тогда получается, что «герундив» не может считаться и.-е. глагольной формой. С семантической точки зрения лувийские формы близки с латинским «герундивом» на $*-ndo-$, хотя отличаются морфосинтаксически, являясь неизменяемыми формами и обладая ограниченной дистрибуцией.

Второй день конференции открылся докладом Т. Рот (Марбург) *À propos de la paradigmaticité des noms en -tor du latin*. Докладчица исследовала латинские имена на $-tor$, которые традиционно рассматриваются как отглагольные имена деятеля. Они конкурируют с причастиями на $-nt-$. Но разница в том, что образования на $-tor$ ведут себя как имена и управляют генитивом, тогда как причастия на $-nt-$ имеют дополнение в аккузативе (то есть ведут себя как финитные глаголы). Однако, проведя исследование на корпусе всех комедий Плавта, Т. Рот пришла к выводу, что это различие на ран-

них стадиях латыни не такое четкое: оба образования использовались с дативом, и есть случаи, когда имена на *-tor* управляют аккузативом. Первоначальный выбор был обусловлен не грамматическим, а двумя другими факторами: семантическим (действие агенса на *-tor* волевое и интенсивное) и прагматическим (имена на *-tor* характеризуют персонаж его действием).

Ж.-Ж. Пино (Париж) рассмотрел в целом индоевропейские отглагольные прилагательные с основой на **-e/ont-*. Эти отглагольные прилагательные принадлежали изначально к номинальной деривационной цепочке, что отображают изолированные лексикализованные дериваты типа общетох. **-p'ärkānt-* < **b^hérġ^h-ōnt-* 'восход', склоняющиеся по амфикинетическому типу. Изначально образования амфикинетического типа содержали как абстрактные имена, так и имена деятеля. Но из-за омонимии с 3 л. мн. ч. инъюнктива активного залога отглагольные прилагательные на **-e/ont-* грамматикализуются как активные процессуальные причастия во всех и.-е. языках, кроме анатолийских (где *šekkant-* может значить как 'знающий', так и 'известный'), что подтверждает, по мнению докладчика, раннее отпадение анатолийских языков от индоевропейской языковой общности.

К. Мелчерт (Лос-Анжелес) в докладе *The Source(s) of Indo-European Participles in *-e/ont-* также рассмотрел причастия на **-e/ont-*, которые имеют активную диатезу и процессуальное значение в индоевропейских языках за пределами анатолийской группы. В хеттском же (а также в лувийском и ликийском) отглагольные основы на *-ant-* с функцией причастий прошедшего времени показывают законченное состояние и, будучи образованными от переходных глаголов, могут иметь как пассивное, так и активное значение. То есть функционально это эквивалент причастиям прошедшего времени на **-to/-no-* в позднеиндоевропейском. Ранее докладчик предполагал, что эти два значения должны были развиваться независимо. По его мнению, анатолийские причастия могут происходить от отглагольных прилагательных с базовым посессивным значением (то есть параллельным значению на **-to/-no-* в позднеиндоевропейском). Тогда **X-e/ont-* значило **'имеющий качество/состояние X'*, что в случае переходных глаголов отсылало к состоянию пациента. Активные же причастия в позднеиндоевропейском, по его мнению, происходят скорее от «индивидуализирующего **-e/ont-*», который изначально образовывал отыменные субстантивы со значением 'тот, который X', но постепенно стал использоваться как прилагательное.

Э. Рикен (Марбург) рассмотрела хеттские причастия (отглагольные образования на *-ānt-*), сосредоточившись на соотношении их синтаксических и семантических черт в разных употреблениях. Она выделила атрибутивные причастия, причастия в аппозиции и депиктивные причастия. Последняя группа употребляется для обозначения вторичных стативных предикатов, логически не связанных с основным предикатом предложения. В хеттском языке депиктивные причастия употребляются в постпозиции к управляющим ими именам, например: **Telipinuš ləlaniyanza wezzi* «Телепину вошел разъяренным».

Н. Эттингер (Эрланген) в докладе *Zu *-nt-, *-to- und Konkurrierendem im Anatolischen und anderen indogermanischen Sprachen* рассмотрел хеттские причастия на *-nt-* с точки зрения их места в словообразовательной системе Каланда. Система Каланда — термин, который используется в индоевропеистике для обозначения группы стативных глаголов и их именных когнатов, образованных при помощи характерной группы суффиксов. С точки зрения Эттингера, ядро форм на *-nt-* принадлежало как раз к системе Каланда, причем они первоначально функционировали не как причастия, а как отглагольные прилагательные. Например, хетт. *paprant-* '(ритуально) нечистый' принадлежал к одному деривационному гнезду со стативом *papreš-* «быть/стать (ритуально) нечистым» и фактивом *paprahh-* «осквернять». Отличия в семантике причастий на *-nt-* между анатолийскими и прочими и.-е. языками объясняется, согласно Эттингеру, различным направлением семантической эволюции данных образований за пределами «системы Каланда».

Э. Даль (Берген) рассмотрел формы прохибитива в хеттском, ведийском, греческом и латинском языках и выделил следующие проблемы: маркеры прохибитива отличаются от маркеров отрицания в утвердительных предложениях в этих языках, для них невозможно найти общую праформу, а выбор наклонения в прохибитивных конструкциях отличается по языкам. Он приходит к выводу, что невозможно реконструировать единый тип прохибитива для праиндоевропейского. По его мнению, к моменту отделения и.-е. ветвей языков единая форма прохибитива еще не была грамматикализована. Он предлагает реконструкцию следующих прохибитивных конструкций, появляющихся в отдельных ветвях: **méh₁* [+ инъюнктив, субъюнктив, оптатив, императив]; **leh₁* [+ индикатив, императив (?)]; **né* [+ оптатив, императив]. Выбор наклонения обуславливался модальной силой прохибитивной клаузы.

Р. Ким (Познань) поднял тему морфологии инфинитива в тохарских языках. Инфинитив образуется прибавлением суффикса *-tsi* к субъюнктивной основе в тохарском В и к основе презенса в тохарском А. Суффикс *-tsi* восходит к пратохарскому суффиксу **-tʰəy*, который является рефлексом локативного окончания **-dʰyeu*. По мнению докладчика, в пратохарском инфинитив был образован от основы презенса. Эта ситуация остается в тохарском А, а в тохарском В некоторые глаголы образуют новые основы презенса, что передвигает изначальный презенс в роль субъюнктива. Вследствие этого говорящие на тохарском В пересматривают морфологию инфинитива как субъюнктив + /tʰəy/.

Х. Феллнер (Вена) рассмотрел отглагольные имена деятеля в тохарском (^B-*tsa* / ^A-*ts*; ^B-*ntsa*; ^B-*nta* / ^A-*nt*; ^B-(*a*)*uca*; причастие на *nt*:- ^B-*eñca* / ^A-*nt*; предикативы на ^B-*a*), которые все оказываются связаны с семантической и морфологической точек зрения. Х. Феллнер предложил классификацию этих «агентивных образований», исходя из их поведения в тохарском и их параллелей в санскрите и древнетюркском.

М. Пейро (Вена) провел детальный анализ синтаксических черт «причастия наст. вр.» в тохарском (тох. В *-tane*, тох. А *-māñ*) с целью определить его категориальную принадлежность. Для этого он, в частности, исследовал текст тохарского (А) текста *Maitreyasamitināṭaka* и его перевод на старотуркский, где тохарскому «причастию наст. вр.» на *-māñ* соответствует деепричастие. Общий вывод М. Пейро заключается в том, что пратохарский скорее всего имел немедиальное, неизменяемое «причастие наст. вр.» на **-tane*, к которому вполне подходит функциональный термин «конверб / деепричастие».

П. Видмер (Цюрих) рассмотрел различия в употреблении причастий наст. вр. акт. и мед. залогов, чтобы понять, чем, кроме формальной активности/медиальности, они различаются в текстах. Он соглашается с точкой зрения, согласно которой активные причастия почти всегда образуются от тематических основ переходных глаголов, а у медиальных причастий такого строгого отбора производящих основ нет. Обе группы причастий могут употребляться с различными функциями, различающимися от собственно причастных до функции вторичного предиката, выражаемой в русском языке деепричастиями и депиктивными прилагательными.

Ф. Зоммер (Цюрих) рассмотрел причастия в авестийском, сосредоточившись на их поведении

по отношению к участникам высказывания. Он выделяет две основных функциональных группы причастий, обозначающих, соответственно, атрибуты и вторичные предикаты. Согласно точке зрения докладчика, атрибутивная функция причастий является первичной, а их предикативная функция, напоминающая функцию русских деепричастий, является результатом вторичного развития внутри авестийского. В то же время она является частотной и продуктивной, встречаясь чаще, чем «каноническая» атрибутивная функция. Обе группы причастий объединяются необходимостью согласования с одним из актантов, присутствующим в семантической структуре предложения. При отсутствии такого согласования употребляются адвербиальные формы.

А. Корн (Франкфурт-на-Майне) представила исследование форм отглагольных имен в белуджском языке: два причастия (наст. вр. на *-ān* от основы презенса и перф. на *-ag* от основы прошедшего времени), два инфинитива (на *-ōk* от основы наст. вр. и на *-in* от основы прош. вр.), имя деятеля на *-ōk* от основы наст. вр. и герундивы на *-ag-ī* и *-in-ī* от наст. и прош. основ соответственно. Далее она установилась на их функциях, которые варьируются в зависимости от диалектов.

Третий день конференции начался с доклада М. Фрочера (Верона) *The Morphosyntax of the West Germanic Present Participle and the Origin of its ja-Inflexion*. Докладчик обсудил зап.-герм. причастия с суффиксом *-ja-*, которые отличаются от реконструированного на основе данных других языков праиндоевропейского суффикса **-ont-*. Обычно эти причастия рассматриваются как дальнейшее образование от форм косвенного падежа ж. р. М. Фрочер предлагает альтернативное объяснение, учитывающее морфосинтаксические особенности германского причастия. Германские языки, за исключением готского, обычно не используют причастие адвербиально. Вместо этого др.-в.-нем. язык часто использует производное наречие на *-nt-o* < прагерм. **-nd-ōC*, которое не показывает никаких следов суффикса *-ja*. Следовательно, причастия на **-nd-ja-* могли быть образованы параллельно с наречиями на **-nd-ōC*, заменяя таким образом унаследованные праиндоевропейские образования на **-nd-*.

Э. Дюпра (Брюссель) выступил с докладом *Statut syntaxique de la forme d'obligation en vieil-irlandais*. В древнеирландском существуют неизменяемые формы, употребляемые в качестве предикативной связки. Обычно эти др.-ирл. формы соответствуют герундивам в латыни: копула имеет неодушевленное подлежащее, которое обычно является паци-

енсом. Иногда эти конструкции переводят латинский герундив или отглагольное прилагательное, отсылающие к потенциальности, а не к обязательности. В др.-ирл. в этих случаях копула используется в маркированном времени/наклонении, а не в наст. вр. индикатива. Таким образом, др.-ирл. переводчики креативно используют грамматические категории их родного языка для передачи различия между двумя модальностями, выражаемыми в латыни.

А. Вилли (Оксфорд) выступил с докладом *Participial Periphrasis and the Origins of the Oscan Perfect in -tt-*. После разбора существующих этимологий для оскского перфекта на *-tt-* и демонстрации их неубедительности докладчик предлагает собственную альтернативу, согласно которой *-tt-* перфект развился из перифрастической конструкции со вспомогательным глаголом **stā-* 'стоять'.

В докладе М. Вайсса обсуждалось племенное имя *Veneti*, довольно распространенное в и.-е. языках: в Пафлагонии, в Иллирии, в верхней части Адриатики, в Арморике и на Висле. Традиционно этот этноним рассматривается как причастие **-eto-* от основы **уенН-* 'любить'. Но новые данные из венецкого языка предполагают, что надо начинать рассмотрение с отглагольной *t*-основы **уенет* от корня **уен-* 'завоевывать'. Параллельную деривацию можно проиллюстрировать кельто-герм. племенным именем *Nemetes* в сочетании с различными кельтскими лексемами, производными от **nemet-o-*.

В. Мартцлофф проанализировал два противоположных образования на **-w-o-*: формы гр. ὅλος, лат. *saluus, saluetod*, фал. *salues, salueti*; 2. арм. *sosk*. Он пришел к следующим выводам: гр. ὅλος 'целый', вед. *sárva*, тох. *A salu*, лат. *saluus* 'невредимый' (etc.) восходят к **sólh₂-w-o-s*. Исторически это следствие тематизации (**sólh₂-u-* > **salu-*) в поститалийский период. Арм. *sosk* восходит к **oswos*, к которому также восходит лат. *careō* 'не иметь', а также тох. *A kašt*, тох. *B kest*, хетт. *kāšt* и т.д. 'голод'. Это предполагает следующее семантическое развитие: «недостаток» > «отсутствие дополнительного качества», откуда и произведено прилагательное *sosk* 'обычный'.

Реферативный доклад Р. Сукача был посвящен эволюции причастий на *-nt-* от праслав. к современным зап.-слав. языкам. И.-е. суффикс *-nt-* сохранился в косв. падежах слав. языков, где он подвергся существенным изменениям из-за последующего *-i-*, который распространился от скл. жен. р. к муж. и ср. (др.-слов. ном. ед. ч. муж. и ср. **nesa* > *ñesa*, **nesotia* > **nesōca* > *ñesúca*). Склонение, которое отражено в церк.-слав., было сокращено в современных славянских языках.

М. Кюммель выступил с докладом *The Use of Participles and Verbal Adjectives as Predicates in Old Indo-Iranian*. Финитные формы претерита, хотя и сохранились в некоторых индоиранских языках (пали, кховар, калаша; сакские, согдийский, хорезмийский, ягнобский), были в основном замещены на перифрастические конструкции с отглагольными прилагательными и причастиями (чаще с результативными прилагательными на *-tā-*, которые могли употребляться в конструкциях с «расщепленной эргативностью»). Докладчик рассмотрел эволюцию этих конструкций на ранних этапах развития индоиранских языков и описал их трансформацию из именных предикатов в финитные глагольные формы.

Л. Грестенбергер (Монреаль) опровергла положение о том, что формальные особенности финитных глаголов ограничены финитными формами. Обычно это утверждение опирается на латынь (ср. *amō* [акт.] — *amans, sequor* [деп.] — *sequens*). Но латынь морфологически не различает активные и пассивные причастия наст. вр.. Докладчица предполагает, что греческий и ведийский языки, которые имеют различные активные и пассивные причастия от основы настоящего времени, показывают, что финитность не является необходимым условием для депонентного поведения. Так, мед. прич. (вед. *-āna-* / *-tāna-*, гр. *-μενος*), образованные от депонентных глаголов, имеют те же функции, что и финитные медиальные формы, образованные от тех же глаголов. Общий вывод Л. Грестенбергер заключался в том, что основные суффиксы причастий в праиндоевропейском языке (**-nt-*, **-mhi₁no-*, **-to-*) не имели определенного залога.